

Г. А. Меликишвили

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ ДРЕВНИХ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ*

ДОВОЛЬНО широкое распространение получил взгляд, что древние греко-римские и древневосточные общества олицетворяют один и тот же тип общества («рабовладельческое общество», «древнее общество»). В последнее время из видных советских специалистов по древнему Востоку эту точку зрения защищают И. М. Дьяконов¹, Г. Ф. Ильин², М. А. Коростовцев³ и др.

В центре аргументации означенного взгляда в трудах названных исследователей стоит утверждение о рабском статусе эксплуатируемых непосредственных производителей на древнем Востоке. Конечно, для характеристики социально-экономического строя того или иного общества определение его классовой структуры, в частности статуса непосредственных производителей, является весьма важным, однако не надо забывать, что классовая структура общества сама является производной и зависит от функционирующего в обществе разделения труда и господствующих в обществе экономических отношений — экономического базиса, основным выражением которого являются отношения собственности. Характеризуя общество как определенную систему, К. Маркс в своем известном «Предисловии» к книге «К критике политической экономии» писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений

* Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного автором на Международной конференции ученых социалистических стран по древнему Ближнему Востоку (ассириологии) (Будапешт, 23—25 апреля 1974 г.) — см. Internationale Tagung der Keilschriftforscher der Sozialistischen Länder, Budapest, 23—25 April, 1974. Zusammenfassung der Vorträge, Budapest, 1974, стр. 68—72.

¹ И. М. Дьяконов, Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии, НАА, 1966, № 1; он же, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1968, № 4 (см. его статьи в ВДИ, 1967, № 3 и 1968, № 3); он же, Рабы, илоты и крепостные в ранней древности, ВДИ, 1973, № 4.

² Г. Ф. Ильин, Классовый характер древнеиндийского общества, сб. «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока», М., 1971; он же, Рабство и древний Восток, НАА, 1973, № 4.

³ М. А. Коростовцев, О понятии «Древний Восток», ВДИ, 1970, № 1.

составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Несколькими строками ниже К. Маркс, говоря о производственных отношениях, отмечает, что юридическим выражением их являются отношения собственности⁴. Итак, поскольку определяющим ту или иную систему (общество) является экономический базис — совокупность производственных отношений, то, понятно, одну систему от другой можно отличить, в первую очередь, по этому базису, по производственным отношениям, которые, по словам К. Маркса, находят свое выражение в отношениях собственности. Исходя из этого, исследователи вполне справедливо признают отношения собственности в качестве системообразующего элемента того или иного общества.

Именно в отношении этого системообразующего элемента — в отношении собственности — античные и древневосточные общества глубоко отличны друг от друга. Пожалуй, античное греко-римское общество в этом отношении вообще выделяется из докапиталистических классовых обществ. Говоря о примате отношений собственности, обыкновенно имеют в виду господство в обществе той или иной формы собственности: античной, феодальной, капиталистической. Однако не менее важную роль имеет констатация степени развития и функционирования самой собственности, точнее частной собственности. Ведь основные исторические эпохи различаются именно по этому признаку: первобытное, как и развитые (социалистическое, коммунистическое) бесклассовые общества характеризуются отсутствием частной собственности, в то время как для классового общества, наоборот, характерно наличие той или иной формы частной собственности. В самом классовом обществе весьма важным является тот фактор, насколько развит в нем институт частной собственности. является ли эта собственность неограниченной, свободно и активно функционирующей (как, например, при капитализме), или приниженой и ограниченной (как при феодализме). И вот трудно отрицать, что в отношении этого важнейшего для определения характера общества признака — в отношении роли и степени функционирования частной собственности античное греко-римское общество в какой-то мере может быть сопоставлено с обществом капиталистическим, древневосточное общество — с феодальным обществом. Для обоих последних характерно господство приниженой, ограниченной, условной собственности на средства производства, в частности на основное в то время средство производства — землю. Говоря же об античном обществе, основоположники марксизма отмечали: «С развитием частной собственности здесь впервые появляются те отношения, которые мы вновь встречаем — только в более крупном масштабе — при рассмотрении современной частной собственности»⁵.

В античной Греции и Риме отсутствовали те факторы (например, необходимость производства широких оросительных работ), которые на Востоке способствовали сохранению коллективных форм ведения хозяйства и, в конечном счете, привели к устойчивости общинной и государственной собственности. Наоборот, у античных народов все способствовало инди-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6—7.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. соч., т. 1, М., 1970, стр. 11.

видуализации ведения хозяйства и вследствие этого развитию и упрочению института частной собственности, что привело к полному распаду общины и созданию общества свободных и независимых друг от друга собственников. Владельцы земельных участков в Греции «более всего стремились именно к тому, чтобы освободить парцеллу от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами»⁶. И в самом деле, оковы эти исчезли, «но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей. Что это означало, разъяснили ему деньги, изобретенные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают. Едва была установлена собственность на землю, как была уже изобретена и ипотека (см. Афины)» (там же). Все это, притом, происходило в условиях углубления разделения труда, развития мореходства, внешней торговли, широкой колонизационной деятельности и товарно-денежных отношений. Это, как известно, привело к концентрации богатств в руках немногочисленного класса и, наряду с этим, к обнищанию и обезземеливанию широкой массы трудящихся. Эта ситуация, безусловно, имеет много общего с раннекапиталистической Европой, когда здесь крепостная зависимость крестьян почти исчезла, однако благодаря тем же процессам (развитие торговли и торгово-денежных отношений, колонизации и внешней торговли) интенсивно проходила пауперизация широких слоев земледельческого населения и концентрация богатств в руках определенного слоя. Именно в этих условиях развертывается ожесточенная борьба между основной массой народа и аристократической верхушкой общества. Во главе борьбы народа против родовой аристократии в Аттике стоят вышедшие из народа состоятельные люди, под руководством которых демос быстро побеждает старую аристократию. Реформы Солона ознаменовали, наряду с проведением ряда мероприятий в пользу низших слоев (ликвидация долговой кабалы, освобождение от долгов и т. д.), дальнейшее укрепление института частной собственности — узаконивается свободное распоряжение имуществом и, притом, «права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности и стали приобретать влияние имущие классы»⁷. По существу к тем же результатам приводила революционная борьба масс с феодальной аристократией в раннекапиталистической Европе.

Развитие товарно-денежных отношений стимулировало рост ремесленного производства в древней Аттике. Производство здесь все более превращалось из рассчитанного на удовлетворение непосредственных потребностей в систему, целью которой является производство на рынок. Именно значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств создало потребность в привлечении в большом количестве дополнительной рабочей силы, что предопределило превращение эксплуатации рабского труда в господствующий способ производства⁸, так же как в совершенно других исторических условиях раннекапиталистических отношений оно определило массовое применение наемного труда. Аналогии между античностью и капиталистической Европой берут свое начало, несомненно, в факте высокого развития института частной собственности

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 167.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 119.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 164: «А для того, чтобы рабский труд стал господствующим способом производства целого общества, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств».

и товарно-денежных отношений и вполне закономерны. Следовательно, нельзя все эти аналогии огульно третировать как «модернизацию истории». Конечно, все сказанное никак не значит, что правомерно говорить о капитализме в древней Греции и Риме, ставить знак равенства между этими обществами и капиталистическим обществом. Против таких попыток, как известно, резко выступал уже К. Маркс, всячески подчеркивая имеющуюся между этими обществами различие. Это различие в основном является следствием развития греко-римского общества по пути рабовладения, что со своей стороны, в значительной мере предопределило также развитие и укрепление полисного строя и так называемой античной формы собственности, чем античное общество так резко отличается от капиталистического общества. В пределах полиса предпринимались шаги к смягчению разрушительного действия активно и свободно функционирующей собственности — были попытки регулирования распоряжения земельными владениями граждан, развертывались большие строительные работы с целью предоставить заработок безработному населению, выводились колонии и раздавались земельные участки неимущим гражданам на завоеванных и подчиненных территориях. Наконец, широкое распространение, как известно, получили как в Греции, так и Риме прямые раздачи, прямые пособия люмпен-пролетариату этих обществ. Однако создание полиса фактически все же мало ограничило свободное функционирование частной собственности, которая в условиях высокого развития товарно-денежных отношений все время подрывала основы полиса и античной (resp. полисной) формы собственности. Поэтому произошедший переход на рельсы полисного строя и рабовладения не исключает возможности аналогий античных обществ с раннекапиталистическим обществом, хотя это и знаменовало модификацию высокой, сходной в некоторых отношениях с капиталистическим обществом модели под влиянием отсталой исторической среды той эпохи (отсталое окружение, открывавшее широкий простор для неэквивалентной торговли, интенсивной колонизации, добычания рабов, а внутри страны — тогдашний сравнительно низкий уровень развития производительных сил, небольшие масштабы тогдашних государственных образований, неизжитые свободолюбивые традиции в недавнем прошлом живших в условиях дегосударственного строя полноправных и активных членов общества).

Характер экономики в значительной мере определил и классовую структуру античного общества. Экономика, нацеленная на производство для рынка, обусловила массовое применение в производстве полностью отстраненных от средств производства и все время работающих в чужом хозяйстве производителей. Именно это давало возможность путем улучшения организации работ и растущей концентрации рабочей силы и средств производства добиться увеличения масштабов производства и роста прибыли. Историческая же среда той эпохи делала наиболее целесообразным использование в такой форме именно рабского труда, в то время как совершенно в других условиях раннекапиталистической Европы те же потребности увеличения производства вызвали, во все более возрастающем масштабе, привлечение наемной рабочей силы. Нельзя при этом не сказать, что по форме эксплуатации между рабом и наемным рабочим много общего — в обоих случаях непосредственный производитель в процессе производства фактически играет одинаковую роль — он полностью отстранен от какой-нибудь собственности на средства производства и является простым исполнителем указанного ему трудового задания в чужом хозяйстве. По этому признаку аттического типа (т. е. торгово-промышленные) греческие полисы и римское общество противостоят всем другим имеющим в основном потребительскую и слаборазвитую экономику классовым об-

ществам, в которых доминирует эксплуатация самостоятельно хозяйствующего производителя⁹.

Однако не только экономическая форма эксплуатации непосредственных производителей выявляет аналогию с новым временем. Немало общего между античностью и капиталистическим обществом и в положении «верхнего слоя» общества — свободных граждан государства. Рядом с юридическим равноправием и участием в той или иной форме в политической жизни, свободное население в обоих случаях дифференцируется в основном по экономическому признаку, расколото на богатых и бедных. Отсюда — ожесточенная борьба между ними, заполнившая всю историю античного общества. Правда, наличие рабовладения и полисного строя сильно деформировало эту борьбу, однако и она, как известно, содержит немало аналогий с классовыми битвами, разрывавшимися в новое время. Конечно, все это касается тех регионов античного мира, в которых господствовали аттического типа отношения («торгово-промышленных» полисов), а не отсталых сельскохозяйственных областей (Спарта и др.) в которых государства образовались в результате завоевания, сложились отношения, близкие к крепостничеству, и классовая структура отличалась исключительной примитивностью. Это были примитивные крепостнические отношения завоевательно-даннического типа¹⁰.

Однако даже в этих последних наличие частной собственности среди членов господствующей общины, несмотря на принимаемые чрезвычайные меры, в конце концов привело к обнищанию значительной части этой общины и стало причиной серьезных потрясений, фактически ликвидировавших охраняемую с таким рвением социальную структуру спартанского и других однотипных с ним обществ¹¹.

На многочисленные аналогии античного (аттического типа греческого и римского) общества с обществом капиталистическим в экономической и политической сфере, а также в области духовной жизни в культуре и мировоззрении указывает в своих исследованиях Е. М. Штаерман, приходя к заключению, что они «дают право считать эпоху капитализма отрицанием отрицания античности, представлявшей в некоторых отношениях как бы черновой набросок первой в той мере, в какой это было совместимо с тогдашним уровнем производства. Их роднит разрушение связей человека с узким коллективом родовой или сельской общины, возникновение новых, совершенно отличных по характеру связей в больших „мировых“ уже неземледельческих городах. Разложение старого религиозного, традиционного мировоззрения и возможности более полного развития ин-

⁹ Правда, как мы укажем ниже, на раннем этапе развития в некоторых древневосточных странах (Вавилония, Египет) мы кратковременно встречаемся и с иной («латифундиальной») формой эксплуатации производителей, почти полным их отстранением от средств производства, однако оно возникает на совершенно другой основе, является продуктом централизации хозяйственной жизни в руках государства и не имеет ничего общего с античной экономикой.

¹⁰ См. А. И. Тюменев, История античных рабовладельческих обществ, М.—Л., 1935, стр. 27.

¹¹ В специальной литературе последних лет (И. М. Дьяконов, Г. Ф. Ильин) усиленно проводится параллель между древней Спартой и древними ближневосточными обществами. Спарта со своими илотами выступает в качестве олицетворителя «западной античности», показателем бессмысленности противопоставления «Запада» и «Востока» и т. д. Вряд ли все это оправдано. Спарта и другие близкие ей отсталые регионы древней Греции олицетворяют ничего общего не имеющую с древним Востоком ситуацию возникновения на основе завоевания раннеклассовых отношений, аналогии которым можно найти во всемирной истории во многих отсталых обществах при подчинении одной общиной другой — ср. А. И. Тюменев, Передний Восток и античность (Особенности социально-экономического развития), ВИ, 1957, № 6, стр. 56, 69.

дивада, самостоятельно ищущего ответа на возникающие перед ним проблемы; более широкий сравнительно с предыдущим диапазон свободомыслия; острое осознание социальных противоречий и социальных проблем и т. п.»¹². Не случайно идеологи зарождающегося буржуазного общества облекли свою борьбу с феодальным мировоззрением и церковной схоластикой в форму возрождения и очищения античной традиции. Римское право, как известно, сыграло большую роль в оформлении нового, буржуазного права и т. д.

Конечно, сказанное выше указывает также и на то, что, несмотря на типологическую близость, античное и капиталистическое общества олицетворяют стадиально разные этапы в развитии всемирно-исторического процесса.

Более ранняя стадиальная характеристика античности вытекает, прежде всего, из господствующей там формы эксплуатации — эксплуатации рабского труда. Наиболее характерными для ранней стадии классовых отношений являются следующие формы эксплуатации, возникшие еще в недрах первобытного общества: 1) эксплуатация захваченных в плен людей и разного рода преступников в качестве рабов, 2) присвоение большей и лучшей доли общественного продукта занимающимися организаторской деятельностью в общественной, хозяйственной, военной и культурной сфере членами общества (вожди, военачальники, судьи, жрецы); 3) кроме того, в древнейшую эпоху встречается также подчинение одними общинами других общин и их эксплуатация (наложение на них дани и т. д.). Какая из этих форм эксплуатации станет господствующей в возникшем на развалинах первобытнообщинного строя классовом обществе, зависит от конкретных исторических условий и господствующих форм собственности — этого структурообразующего фактора. Вследствие этого и получаем мы, с одной стороны, древневосточные общества, характеризующиеся наличием управленческого господствующего класса, эксплуатирующего широкие слои местного населения (об этом подробно речь будет идти ниже), с другой, — греко-римское общество аттического типа с господством рабского труда; наконец, в ряде случаев складываются, путем подчинения одними общинами других, государства с господством примитивной даннической формы эксплуатации (Спарта, Фессалия и другие отсталые регионы древней Греции). С другой стороны, на стадиально низкое положение античного общества указывает наличие у него некоторых черт общинного коллектива (полис — гражданский коллектив, община — государство). Следовательно, в этих обществах налицо переплетение стадиально разных моделей общества, передовых и отсталых черт общественных отношений. В этом, в скрещении очень высоких и очень низких форм, видимо, причина той исключительности, того своеобразия, которые присущи греко-римской античности, в этом также причины того «чуда», которое совершил античный мир в процессе всемирно-исторического развития.

Совершенно иной была обстановка на древнем Востоке, в частности в древних ближневосточных обществах, и по отношениям собственности, и по формам эксплуатации, и по классовой структуре общества.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс резко отличали друг от друга восточные и античные общества именно по признаку отношений собственности. Они говорили об отсутствии частной собственности и о верховной собственности царя (государства) на весь земельный фонд страны на Востоке. Эти взгляды, конечно, отражали существовавшие в то время в

¹² Е. М. Ш т а е р м а н, Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии, сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 668.

науке представления о восточном обществе. Проведенные с тех пор, особенно в последнее время, исследования показали, что эти положения нельзя упрощать и абсолютизировать: на древнем Востоке, в частности, существовала частная собственность (землю порой продавали и покупали, передавали в наследство и т. д.), верховную собственность царя нельзя понимать в ряде случаев в буквальном смысле, поскольку имеются факты, когда сами цари покупали земли у своих подданных или даже продавали и т. д. Однако нам кажется, именно новейшие исследования показали, что представления К. Маркса и Ф. Энгельса о восточном обществе, о его специфике, по существу были правильными и именно в отношениях собственности перед нами налицо глубокое различие между древневосточным и античным обществами, обусловившее в конечном счете глубокое типологическое различие этих обществ и во всех других отношениях.

Дело, конечно, не в том, что и на древнем Востоке иногда землю отчуждали, продавали, передавали в наследство и т. д., а в том, что само функционирование частной собственности здесь было несравненно более приижено и ограничено существованием всемогущего государства и общины, слабым развитием товарно-денежных отношений, существованием «потребительской» и слаборазвитой экономики.

Отчуждение земли на Ближнем Востоке было определенным образом ограничено благодаря нахождению земельного фонда страны в руках дворца, храма или общины. Можно считать установленным, что в большинстве стран Ближнего Востока III и II тыс. до н. э. земля не была свободно отчуждаемой или, по меньшей мере, отчуждение ее было определенным образом ограничено¹³. В ряде случаев бесспорно засвидетельствован тот факт, что высшее право распоряжения землей принадлежит общине под контролем царской власти.¹⁴ В среднеассирийский период, например, хотя и имеются факты продажи земли, однако видно, что конкретные земельные участки даже не были навеки закреплены за данными владельцами. Продавая этот участок, владелец фактически осуществлял лишь право ставить себе заместителя с согласия настоящего собственника — общины, при такой сделке требовалась также санкция царя¹⁴. Почти везде отчуждение земли было обусловлено принятием покупателем на себя всех обязанностей, которые были связаны с владением этой земли в общине. Аналогичным образом иногда отчуждалась также царская (государственная) земля, также с условием выполнения всего комплекса тех обязанностей и службы, с которым было связано владение означенной землей¹⁵. Видимо, царская власть особенно заботилась о неотчуждении государственных земельных наделов лишь в том случае, когда это было связано с выполнением воинской повинности или других особенно важных функций (см. соответствующие постановления Законов Хаммураби, а также аналогичный § 40 Хеттских законов, хотя в последнем не совсем ясно, *LU GIS TUKUL* следует понимать как «человека оружия» — воина или «человека орудия» — ремесленника¹⁶).

¹³ Н. Б. Янковская, Частный кредит в торговле древней Западной Азии III—II тыс. до н. э., сб. «Древний Восток. Города и торговля», Ереван, 1973, стр. 20.

¹⁴ И. М. Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ВДИ, 1952, № 4, стр. 229—230.

¹⁵ И. М. Дьяконов, *Muskenu* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби, «Еос», XLVIII, 1956, стр. 48; Ю. Б. Юсифов, Элам. Социально-экономическая история. М., 1968, стр. 232, 246; И. А. Стучевский, Земледельцы (*ihwtjw*) государственного (царско-храмового) хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов, Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук, М., 1973, стр. 22.

¹⁶ Возможно, и то и другое, поскольку не делалось, как полагает П. Гарелли, различия между военной и гражданской службой — ср. «Bayerische Akad. der Wiss.» (BAW). *Abhandlungen. Philos.-hist. Kl.*, NF 75, München, 1972, стр. 94.

Однако главной особенностью древних ближневосточных обществ было, безусловно, наличие обширного царского (resp. государственного) сектора экономики — царская власть выступает в качестве обладателя громадной земельной собственности¹⁷. Уже в эпоху Аккадской династии в древней Вавилонии налицо крупное государственное централизованное хозяйство, а в эпоху III династии Ура царский (государственный) сектор еще более вырос, охватив, по мнению одних исследователей, едва ли не большую часть сельскохозяйственных территорий и все ремесло, сосредоточенное в сколько-нибудь значительных мастерских¹⁸. Другие исследователи склонны считать, что царское хозяйство охватывало всю обрабатываемую площадь страны или же, по крайней мере, количество находившихся вне царского сектора свободных крестьянских хозяйств или свободных ремесленников должно было быть незначительным¹⁹. Государственный сектор в экономике Вавилонии представлял внушительную величину также в последующей — старовавилонской эпохе, так же как и в еще более поздних периодах истории этой страны. Конечно, с течением времени сильно менялась структура этого государственного сектора, менялись и формы эксплуатации в нем непосредственных производителей, однако если не всеобъемлющее, то, во всяком случае, преобладающее положение государственного сектора в экономике страны оставалось, видимо, неизменным.

Говоря о государственном секторе, исследователи с полным правом рассматривают и обширные храмовые хозяйства в качестве составной части государственного сектора экономики. Также и хозяйства представителей государственной администрации, воинов и др., получающих надель (а иногда и обширные территории) в условное владение, в качестве вознаграждения за свою службу, по праву рассматриваются составной частью государственной экономики. На ранних этапах истории Вавилонии преобладали храмовые хозяйства, представлявшие по сути общинно-государственные хозяйства, затем происходит их включение в единое государственное хозяйство с преобладанием коллективных форм ведения хозяйства (эпоха III династии Ура); в дальнейшем в государственном земельном фонде преобладающим становится самостоятельное ведение хозяйства на полученных из этого фонда участках земли служилыми людьми и зависимыми земледельцами (старовавилонский период) и т. д. Все эти вопросы детально исследованы в трудах видных советских ученых В. В. Струве, А. И. Тюменева, П. М. Дьяконова, а также ряда зарубежных исследователей, и поэтому нет необходимости в их более подробном освещении. О некоторых спорных проблемах, связанных с исследованием государственной экономики в древней Вавилонии (об отношении государственного сектора к общинному сектору экономики, о статусе непосредственных производителей в этих секторах экономики и т. д.) речь будет идти ниже.

Также исключительно обширным, если не всеобъемлющим по существу (об этом также см. ниже) был государственный сектор экономики в древнем Египте. Основой всемогущества государства и здесь, подобно Вавилонии, считается то, что в основе всей хозяйственной и общественной жизни лежала необходимость создания обширной ирригационной системы, требовавшей коллективного труда всего населения, а верховная соб-

¹⁷ Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, стр. 264.

¹⁸ И. М. Дьяконов, Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура), сб. «Древний Восток. Города и торговля», Ереван, 1973, стр. 35.

¹⁹ I. J. Gelb. From Freedom to Slavery, BAW, Abh., Philos.-hist. Kl., NF 75, München, 1972, стр. 90 сл. Такого мнения придерживается и И. Ренгер — J. Renger, *Furcht als Soziales Problem in der altbabylonischen Gesellschaft*, там же, стр. 169 и др.

ственность общины и государства на воду — этот жизненно необходимый фактор ведения здесь хозяйства, — как известно, не оспаривается ни одним исследователем. В Египте уже на рубеже IV—III тыс. до н. э. существовала система обширного централизованного государственного хозяйства²⁰. Вообще трудно допустить, что в эпоху сверхцентрализованного египетского «Древнего царства» тот или иной фонд земли мог бы рассматриваться находящимся вне царской, верховной во всяком случае, юрисдикции. Мы здесь, как и во всех других случаях, почти ничего не знаем о самостоятельных производителях, не вовлеченных в хозяйства храмов, вельмож и царя, однако в отношении Египта этой эпохи, во всяком случае, с высокой долей вероятности, можно сомневаться вообще в существовании таковых. Правда, наряду с собственно «Домом царя» — находящимися лично в распоряжении фараонов земельными владениями — мы в это время встречаемся с храмовыми хозяйствами, а также хозяйствами крупных сановников, однако нельзя сомневаться в том, что все они фактически являлись частями единого государственного хозяйства. Государственные хранилища были не более, как частями «Дома царя», государственные работы — работами «Дома царя», а пожалования государственным сановникам — его пожалованиями. Форма эксплуатации непосредственных производителей в Египте этой эпохи довольно близко стоит к господствующей форме эксплуатации работников царских хозяйств Вавилонии эпохи III династии Ура. Наряду с небольшим числом рабов-военнопленных широко эксплуатировалось местное земледельческое население: все они, разбитые на партии с надзирателями во главе, трудились на полях, в садах и виноградниках, на пастбищах и в ремесленных мастерских. Ведется строгий учет, существуют огромные государственные кладовые, откуда довольствие получали царь и члены его семьи, женщины царского гарема, обширный придворный штат, чиновничий центральный и местный аппарат, жрецы, а также занятые в хозяйстве ремесленники, строители, земледельцы, привлеченные постоянно или временно (иногда в течение очень длительных сроков) на царские работы²¹.

Как в древней Вавилонии, позже и в Египте несколько меняется форма ведения хозяйства и распространяется система самостоятельного ведения хозяйства земледельцами с уплатой ими государству определенной доли урожая, хотя и в эту позднюю эпоху (периоды Среднего и Нового царства), подобно тому как это известно для Древнего царства, в изображениях на гробницах все еще встречаются сцены коллективной вспашки, уборки урожая и выдачи работникам довольствия²². Характерно, что в Египте даже в эпоху Нового и, возможно, также Среднего царства, термин «царские люди» обозначал всех земледельцев вообще²³. И земли храмов были государственным достоянием и управлялись вместе с собственно фараоновскими единой государственной администрацией. Правда, в рамках этого царско-храмового хозяйства возникали хозяйства отдельных лиц с ограниченным правом отчуждения, являющиеся носителями «подчиненной» или «ограниченной» собственности²⁴. Царское землевладение, царское хозяйство и в более поздние периоды египетской истории, как известно, выступает в качестве ведущей силы в экономике страны²⁵.

²⁰ См. А. И. Тюменев, ВИ, 1957, № 6, стр. 65.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 66.

²³ «Всемирная история», I, М., 1955, стр. 272, 335.

²⁴ Стучевский, ук. соч., стр. 4—5, 22.

²⁵ См. А. И. Тюменев, Передний Восток и античность (Страны речных культур (Двуречье и Египет) в эллинистическую и римскую эпохи), ВИ, 1957, № 9.

Обширное царско-храмовое хозяйство перед нами и в Хеттском государстве²⁶. Уже в древнехеттских текстах упоминаются разные центральные учреждения: «Дома печати» (согласно А. Гётце, это кладовые (хранилища), где накопились запасы зерна), «Каменные дома» (храмы, обслуживающие заупокойный культ умерших царей), располагающие поселениями и обширными владениями с зависимым производящим населением в разных частях страны, — это были филиалы царского (государственного) хозяйства. Преобладающая часть царского земельного фонда, как это было характерно в это время для всей Передней Азии, была предоставлена в условное владение самостоятельно хозяйствующим производителям, а также служилым людям (высшим сановникам, административному персоналу, жрецам, воинам), которые обрабатывали эти земли посредством передаваемого в их распоряжение вместе с землей сидящего на ней зависимого населения — в этом отношении хеттская система ближе к египетской, чем вавилонской²⁷.

В позднеассирийской «мировой державе» источниками довольно ярко засвидетельствовано доминирование царского землевладения²⁸. В VIII—VII вв. до н. э. налицо явное преобладание царского (государственного) землевладения по сравнению с другими формами (в том числе и храмовой). Обширные территории страны обрабатываются «царскими земледельцами». Они, как правило, самостоятельно хозяйствуют на отведенных им в условное владение участках царской земли и выполняют ряд повинностей по отношению к государству²⁹. Если исключить окрестности городов, которые, видимо, подчинялись органам городского самоуправления, вся остальная земля была царской землей и управлялась царскими чиновниками³⁰.

Весьма высоким был удельный вес царского (государственного) хозяйства и в древнем Урарту³¹. На территории Урартского государства находилось много военно-административных центров — крепостей (окруженных, как правило, садами, виноградниками, засеянными полями), где были огромные кладовые для вина, большие зернохранилища и т. д. В значительной мере здесь мы, как выясняется, имеем дело с царским (государственным) хозяйством. Многие из таких крепостей создавались (организовывались) самими царями — об этом есть ряд красноречивых свидетельств ассирийских и урартских источников. Некоторые такие хозяйства носят имена тех или иных урартских царей («Долина Русь», «Долина Менуа», «Виноградник (царя) Сардури»...). Неслучайно, что именно крепости, крупные военно-административные центры являются такими большими государственными хозяйственными центрами. Нельзя думать, что в них собиралась продукция лишь созданных царями вокруг крепости хозяйств и существовавших здесь мастерских; несомненно, они были важным звеном в эксплуатации населения всего округа, на который простиралась их власть, собирали дань и другие натуральные поборы от населения, руководили выполнением в масштабе данного региона других госу-

²⁶ Это красноречиво показано в исследовании: Г. Г. Гиоргадзе, Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства, Тбилиси, 1973; см. также Э. А. Менабде, Хеттское общество, Тбилиси, 1965; I. M. Diakonoff, Die hethitische Gesellschaft, «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd. XIII, Hft 3, 1967 и др.

²⁷ См. Diakonoff, ук. соч., стр. 339—340.

²⁸ J. Zaboloska, Landarbeiter im Reich der Sargoniden, BAW, Abh., Philos.-hist. Kl., NF 75, стр. 209—214.

²⁹ В. А. Якобсон, Социальная структура Новоассирийского царства, ВДИ, 1965, № 1.

³⁰ Zaboloska, ук. соч., стр. 210.

³¹ Г. А. Меликишвили, Наири — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 340 сл.

дарственных (трудовых, воинских) повинностей и т. д. Как известно, крупными богатствами, в том числе скотом и земледельческим хозяйством, владели и урартские храмы.

Крупное храмовое и государственное хозяйство засвидетельствовано и в древнем Эламе³². Храмы, в частности, были крупными землевладельцами (в источниках немало сведений о храмовой земле — *eqel ili*). Что касается собственно царской земли (*eqel ekallim*), то она предоставлялась в пользование отдельным лицам или могла быть в коллективном владении домашней общины. Государственные наделы могли дробиться, переходить из одних рук в другие (однако именно в руки того, кто находился на царской службе). Такая земля могла стать объектом купли-продажи, однако также с условием, что покупатель брал на себя все обязанности, связанные с несением службы. Из более поздней эпохи (VI в. до н. э.) мы располагаем большим материалом о существовании в Эламе крупного царского ремесленного хозяйства.

Даже в небольшом Угарите, предполагается, царский земельный фонд, предназначенный для служилых «людей царя» и разных профессиональных групп, получавших землю в условное владение за несение своей службы, составлял $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть всего земельного фонда. Существовало также храмовое хозяйство со своим повинностным землевладением. Ремесленное производство в Угарите также было монополизировано царской властью. Царское и храмовое хозяйство занимало доминирующее положение, несомненно, и во многих других древневосточных политических образованиях. Большим достижением последних исследований по социально-экономической истории древних ближневосточных стран, в том числе особенно исследований советских ученых, является выяснение той огромной роли, которую играл в экономике этих стран государственный сектор.

Таким образом, выясняется, по всеобщему признанию исследователей, что на древнем Востоке царская власть фактически монополизировала сельскохозяйственное и ремесленное производство, осуществляла функции не только верховного, но и непосредственного собственника и владельца значительной части обрабатываемой земли и сколько-нибудь значительных ремесленных мастерских. Ясно, что это закрывало дорогу для свободного функционирования небольшой собственности отдельных лиц, не игравшей в такой обстановке никакой существенной роли. Правильно указывается при этом, что древневосточная экономика, в отличие от античной, носила «ойкосный» характер, представляла совокупность отдельных самодовлеющих хозяйств («домов»), нацеленных на удовлетворение потребностей членов социально-экономических комплексов. Собственником таких комплексов были царь, храм или, иногда, отдельные царские сановники. Такой «дом» включал в себя, наряду с собственником, административный и рабочий персонал, скот, сооружения, обрабатываемые поля, пастбища и т. д.³³

Даже само огромное царское и храмовое хозяйство в целом имело такую потребительскую направленность. Правда, путем поступления сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий от «царских людей» или путем взимания налогов, дани от других в огромных царских кладовых собиралось большое количество сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий, но все это было в основном предназначено для выдачи в виде «кормления» царю и другим представителям двора, высшим сановникам, административному и рабочему персоналу царско-храмо-

³² Ю с и ф о в, Элам. Социально-экономическая история, стр. 218—271.

³³ G e l b, ук. соч., стр. 89—90.

вых хозяйств, в том числе и общинникам, в течение всего, порой довольно долгого, периода их работы в царско-храмовом хозяйстве³⁴. Правда, часть этого богатства — излишки — использовалась царской властью и для внешнего обмена, который также был в значительной мере монополизирован ею, с целью ввоза в страну недостающих материалов (металлы, строительный лес и т. д.) или предметов роскоши для представителей царского двора и знати. Особенно интересным фактом является подчинение торговли и торговцев государственной властью, превращение купцов фактически в государственных служащих, подчинение и всей городской экономики государственному сектору. В Шумере эпохи Лугаланды и Уруквагины тамкар (купец) был государственным служащим и вел внешнюю торговлю. Доминирование государственного сектора в сфере обмена торговли налицо в Вавилонии также не только в эпоху высокоцентрализованных хозяйств Аккадской династии или III династии Ура, но и в старовавилонское время, когда в городах трудно обнаружить людей, которые хотя бы формально не были связаны с храмом или дворцом. Городская экономика в это время была полностью поглощена государственным сектором. Хотя после падения III династии Ура определено возрос удельный вес частной торговли, во времена Хаммураби торговцы опять были введены в рамки государственного аппарата³⁵. Тамкары (купцы) находились на государственной службе и в эпоху касситского владычества³⁶. В качестве торговых агентов царя выступают тамкары даже в финикийском городе Угарите и в других местах, хотя, конечно, порой они занимались и самостоятельными операциями, ростовщичеством и т. д. Монополия торговли в руках государства была характерна и для Египта³⁷. В общем, следует сказать, что, исключая некоторые сильно вовлеченные в международную посредническую торговлю общества, занимающиеся торговлей люди на древнем Ближнем Востоке не представляли ничего значительного по сравнению со всемогуществом дворца или других центральных учреждений, хотя и могли обладать определенным богатством. Однако в отличие от греко-римской античности путь возвышения в обществе посредством одного лишь владения даже значительным богатством здесь был наглухо закрыт³⁸.

Уже все сказанное выше о монополизации в значительной степени в руках государства на древнем Ближнем Востоке сельскохозяйственного и ремесленного производства, а также торговли, ясно показывает глубокое различие древних ближневосточных обществ с одной стороны, и аттичского типа греческих и римского обществ, с другой, в отношении экономического базиса, в отношении собственности. Однако наши представления об этих обществах будут неполными, если не коснуться вопроса о наличии на древнем Ближнем Востоке еще и другого сектора, внесударственного, в частности общинного или общинно-частного, и об отношении к нему государственного сектора экономики и самой государственной власти. Этот вопрос приобретает актуальность в связи с утверждением некоторых исследователей (в основном И. М. Дьяконова), что вне царско-храмового сектора существовал в количественном отношении часто преобладающий общинный сектор, представители которого (свободные общинники) были свободными даже от верховной собственности царя и вообще не являлись

³⁴ Тюменев, ВИ, 1957, № 6, стр. 65.

³⁵ Дьяконов, Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э., стр. 35—36, 50.

³⁶ М. А. Дандамаяев, Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э., сб. «Древний Восток. Города и торговля», Ереван, 1973, стр. 65.

³⁷ Тюменев, ВИ, 1957, № 9, стр. 44—46.

³⁸ Ср. Ренгер, ук. соч., стр. 170—171.

эксплуатируемой массой³⁹. При исследовании этого вопроса прежде всего следует сказать, что источники, освещающие положение в так называемом общинном секторе экономики, почти полностью отсутствуют. Имеются попытки найти кое-какие свидетельства о существовании такового в древней Вавилонии, однако и они вызывают возражения со стороны исследователей⁴⁰. Исследователи, постулирующие наличие обширного общинного сектора вне рамок царско-храмового сектора, утверждают, что наша почти полная неосведомленность об этом секторе проистекает из характера дошедших до нас источников: они освещают в основном положение в царско-храмовом секторе и почти ничего не сообщают об общинном секторе. Однако является ли наша полная неосведомленность об общинном секторе результатом лишь такого характера источников? Существовали ли вообще полностью независимые от царской власти и свободные от эксплуатации с ее стороны производители? В источниках во многих случаях трудно разграничить друг от друга работников царского хозяйства и свободных общинников. Тексты из древнего Мари, например, нередко сообщают о передвижении из одних населенных пунктов в другие отдельных лиц и целых отрядов людей, о выполнении ими различных работ. Однако, как отмечают исследователи, в большинстве случаев трудно выяснить, принадлежат ли эти люди к персоналу царского хозяйства или не принадлежат, является ли их трудовая деятельность повинностной или это обычные работы царских людей в рамках царских хозяйств. Впрочем, в нашем распоряжении есть примеры, когда жители отдельных поселений, городов и целых округов выполняют одни и те же работы (уборка урожая, стрижка овец, восстановление оросительных сооружений) сообща — в таких случаях есть все основания полагать, что речь идет об обязательных для всех трудовых повинностях⁴¹.

Следовательно, вполне возможно, что во многих случаях, когда нет на это соответствующих точных указаний, мы неосновательно постулируем отнесение тех или иных производителей именно к государственному, а не общинному сектору. Вряд ли на древнем Востоке всегда противопоставление этих двух секторов экономики было столь осязаемым и резким. Ведь фактически по отношению к всемогущему государству люди, сидящие на объявляемых в источниках иногда царско-храмовыми землями (eḡel ilī или eḡel ekaḫḫim — «поле бога», «поле дворца» и др.) и других землях мало отличались друг от друга: все они платили натуральные подати, порой работали частично у себя и частично в хозяйстве дворца или храма, выполняли все одни и те же трудовые, воинские и т. д. повинности, причем экономическое бремя, налагаемое на так называемых свободных общинников, видимо, часто не было более легким, чем обязанности сидящих на «царских землях» производителей. Критикуя направление исследовательской работы в области древнего Востока, В. В. Струве отмечал: «Совсем не ставился нами, советскими историками, вопрос о том, что общины могли превратиться господствующим меньшинством в коллектив рабов⁴² с сохранением ради эксплуатации некоторой доли старой общин-

³⁹ См. И. М. Дьяконов, Шумер. М., 1959; он же, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 32—34 и др.; ср. Г. Ф. Ильин в сб. «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока», стр. 154—158 и др.

⁴⁰ См., например, спор по этому вопросу между И. Гельбом и И. Ренгером с одной стороны и И. М. Дьяконовым — с другой, — BAW, Abh., Philos.-hist. Kl., NF 75 и ВДИ, 1973, № 4.

⁴¹ Р. А. Грибов, О повинностях и об ответственности за уклонение от них в государстве Мари, «V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов», Тбилиси, 1971, стр. 50.

⁴² О подобном расширительном толковании понятия «раб» см. ниже.

ной организации»⁴³. Члены этих самих самоуправляющихся общин, по словам А. И. Тюменева, вовсе не были избавлены от эксплуатации со стороны государственной власти. Члены общин могли быть по распоряжению царя затребованы в порядке принудительной повинности в любое время, на любой срок и на любые работы, и притом не только для выполнения общественно необходимых работ, но и для удовлетворения прихотей царской власти⁴⁴. Это хорошо видно в Египте, где уже при первых династиях распоряжение всей рабочей силой находилось в руках центральной власти в лице фараонов так же, как и в руках столичной и провинциальной знати⁴⁵. Древние же шумерские документы показывают, как широко привлекалось население, стоявшее, по словам А. И. Тюменева, вне храмовых и энциальных хозяйств, на оросительные и строительные работы⁴⁶. И в других древневосточных странах было общим явлением взимание налогов со всего населения, привлечение их к трудовой и воинской повинности⁴⁷. В Хеттском государстве, кроме случаев, когда царская власть особо освобождает хозяйства того или иного храма или саповника от налогов и повинностей, все население несло государственные повинности — *саххан* и *луци*. Несомненно, что правящая верхушка в странах древнего Востока присваивала прибавочный продукт разными путями, в том числе и путем взимания прямых налогов с общинников. Именно это позволяло К. Марксу говорить, что на Востоке «рента и налог совпадают», поскольку зависимым непосредственным производителям — держателям земли — здесь противостоят не частные земельные собственники, а всемогущее государство. Правда, И. М. Дьяконов утверждает, что все это (взимание налогов, привлечение к трудовой и другим повинностям общинников) осуществлялось царем никак не в качестве верховного собственника, а просто в качестве суверена⁴⁸. Однако нельзя не согласиться с Э. А. Менабде, который в ответ на это подчеркивает неправомерность столь резкого противопоставления суверенитета и верховной собственности для той древнейшей эпохи: никакого различия между понятием политического верховенства и понятием верховного собственника на Ближнем Востоке в древности не существовало так же, как и не было четкого различия между понятиями владения и собственности. На древнем Востоке, по его мнению, понятия верховного собственника и суверена, а также социальная иерархия и государственная система слиты воедино. Древний

⁴³ В. В. Струве, К вопросу о специфике рабовладельческого общества древнего Востока, «Вестник Ленинградского ун-та», 1953, № 9, стр. 81—82.

⁴⁴ Тюменев, ВИ, 1957, № 6, стр. 54.

⁴⁵ Там же, стр. 55. В Египте на оросительные и строительные работы в порядке принудительной повинности вообще всегда привлекалось все трудоспособное население страны — см. там же, стр. 68. В период Нового царства вся хозяйственная жизнь также находилась под постоянным наблюдением и контролем государственной власти. А. И. Тюменев указывает на известное наставление визирию, из которого видно, что все частные владения были зарегистрированы и центральная власть контролировала их перемещение из одних рук в другие. Не только акты отчуждения земельных владений, но и завещательные распоряжения поступали к визирию и получали силу только после приложения его печати — см. там же, стр. 68—69. И позже, например в эллинистическом Египте, все земли в принципе признавались государственными. Даже так называемые «отпущенные земли» (имения храмов и представителей высшей администрации) вовсе не были избавлены от вмешательства государственной власти. Непосредственные производители, работающие как на царских, так и на отпущенных землях, обозначались прежде всего как «царские земледельцы» — см. Тюменев, ВИ, 1957, № 6, стр. 40.

⁴⁶ Тюменев, ВИ, 1957, № 6, стр. 59.

⁴⁷ Ср. Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, стр. 269.

⁴⁸ И. М. Дьяконов, Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1967, № 4, стр. 22—23.

человек ничего не знает об ограниченной или неограниченной власти над вещью, ибо он всегда от кого-то зависит, является чьим-то рабом: общины, храма, двorca и т. д. Даже царь, и тот зависит от бога, единственного источника закона и порядка ⁴⁹. На самом деле нельзя при исследовании отношений собственности на древнем Востоке отстраниться от феномена всемогущества государственной власти ⁵⁰. Ведь если не учитывать это возникшее со своей стороны из нужд общественного производства явление, то в значительной мере останется непонятным и факт создания обширного государственного сектора экономики в древневосточных странах, о наличии которого сейчас не спорят. Говорят, что царский земельный фонд создавался разным путем: цари покупали земли у общин (см. данные знаменитого Обелеска Маништусу), осваивали пустующие земли, присваивали освобожденные по разным причинам земли, объявляли государственными земли завоеванных областей и т. д., однако основным при образовании этого сектора мог быть лишь процесс подчинения, когда царь опирался на свою политическую власть и функции руководителя хозяйственной жизни, общин, свободного земледельческого населения, ведущего индивидуальное или коллективное хозяйство порой в территориальных общинах, порой же в храмовых хозяйствах, по происхождению также представлявших общинное хозяйство. Ведь без этого никак нельзя представить, как могло образоваться, например всеобъемлющее или, по крайней мере, охватывающее большую часть обрабатываемой в стране земли и почти все ремесло царское хозяйство эпохи III династии Ура или такие же обширные царские владения в древнем Египте. Следовательно, следует говорить о подчинении царем себе общин, а не об экспроприации земли у всего населения, результатом чего могло быть, по мнению И. М. Дьяконова ⁵¹, образование феномена царской верховной собственности. Но процесс подобного подчинения и увеличения государственного сектора экономики за счет общинного был, пожалуй, постоянно действующим процессом. Интенсивность его во многом зависела от конкретных исторических условий, от силы и могущества государственной власти и целесообразности ведения хозяйства и эксплуатации населения в той или иной форме. Наряду с процессом подчинения и включения в сферу государственного сектора целых общин, поселений и областей, храмовых и других хозяйств постоянно происходило, несомненно, расширение этого сектора экономики за счет обедневших или оставшихся без наследства ⁵² общинников, разного рода пришельцев — оторвавшихся от своих общин людей, а также плененного и депортированного населения. Обедневшие общинники постоянно были вынуждены прибегать к помощи всемогущего царско-храмового хозяйства, что широко открывало путь для втягивания их в экономическую зависимость от государственного сектора и в дальнейшем полного вовлечения в этот сектор. Основываясь, кроме все-

⁴⁹ Эд. М е н а б д е, Проблема собственности в древнем мире, сб. «Вопросы древней истории (Кавказско-Ближневосточный сборник, III)», Тбилиси, 1970, стр. 62—63.

⁵⁰ Часто аргументом того, что царь на древнем Востоке не был верховным собственником земли, приводят пример из Библии (I Reg. 21, 1—16) о том, что могучий царь Израиля Ахав не смог принудить своего подданного Навуфея продать ему свою землю; ему удалось лишь по ложному обвинению в политическом преступлении конфисковать его землю (см. Дьяконов, Проблемы собственности..., стр. 22). Однако это может быть еще более красноречивым примером, как для могущественной власти не существовало преград для захвата собственности своих подданных.

⁵¹ Дьяконов, Проблемы собственности..., стр. 22, прим. 29.

⁵² И. Ренгер, в частности, указывает на постоянно происходящий процесс изъятия земельных участков вследствие деления семей и раздела наследства. Правда, предпринимались разные меры для противодействия этому — например, ограничивалось право наследования только старшими тремя сыновьями, но оно лишь несколько замедляло этот процесс, полностью не устраняя его, — Р е н г е р, ук. соч., стр. 169.

го прочего, также и на параллельном материале из других областей мира и других эпох, ряд исследователей, нам кажется, вполне справедливо постулирует подчиненную и незначительную роль общинного (общинно-частного) сектора в экономике древних ближневосточных стран⁵³.

Такое монопольное положение государственной власти в экономике (сельское хозяйство, ремесло, торговля) древних ближневосточных стран, глубоко чуждое античному обществу, не могло не привести к определенной, также резко отличной от античности классовой структуре. Основоположники марксизма не раз подчеркивали роль общественного разделения труда в образовании той или иной классовой структуры общества. В частности, разделение труда между занятиями в сфере управления, с одной стороны, и в сфере непосредственного производства, с другой, частями общества стало, по всей видимости, структурообразующим фактором в классовой стратификации древневосточных обществ. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс ярко обрисовал образование именно подобного типа обществ и государств. «В каждой такой общине, — отмечал он, — существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы — разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права, надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния — религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена, — так, например, в древнейших германских марках и еще теперь в Индии. Они облечены, понятно, известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти. Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, в других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными... Нам нет необходимости выяснять здесь, каким образом эта всевозрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом; каким образом первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним; каким образом господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т. д.; в какой мере он при этом превращении применял в конце концов также и насилие и каким образом, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс. Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие. Только просвещенные англичане сумели проглядеть это обстоятельство в Индии; они запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь теперь, благодаря регулярно повторяющимся го-

⁵³ G e l b, ук. соч., стр. 92; R e n g e r, ук. соч., стр. 167, 169, 170—171.

лодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников»⁵⁴.

Все это как нельзя лучше касается господствующего класса древних ближневосточных обществ. Выполнение организаторских (управленческих) функций в общественной, военной, хозяйственной и культовой деятельности было основой выделения господствующей верхушки. В то же время положение отдельных представителей господствующего класса намного зависит и определяется его местом в государственной иерархии, тем, насколько близкое он занимает место по отношению к верховному владыке — царю. Ведь и для самих современников главным в определении места того или иного человека было не то, насколько он был «бедным» или «богатым», а то, насколько он был «сильным» или «слабым»⁵⁵. Источником привилегий господствующих слоев и присвоения ими прибавочного продукта, безусловно, было отделение от производительного труда организаторских функций (хозяйственных, военных, культовых и др.). Почти полное слияние господствующего класса на древнем Востоке с государственной властью, с государственным аппаратом является общепризнанным⁵⁶. Нельзя не отметить, что и по этому признаку, по характеру господствующего класса, древние ближневосточные общества намного ближе стоят к средневековому феодальному обществу, чем к античному рабовладельческому. Правда, между ними имеется и глубокое различие — средневековый феодальный класс, наряду с политической властью над производящим населением, располагает также и правом собственности (в довольно высокой степени) над его личностью и его средствами производства, что, как правило, еще далеко не оформлено на древнем Востоке. Все же господствующий класс древневосточных обществ *mutatis mutandis* может быть сопоставлен с феодальным классом средневековой Европы.

Характер господствующего слоя является одним из определяющих признаков того или иного классового общества. Ведь неслучайно в марксистской социологии классовые общества именуются именно по этому признаку: рабовладельческий, феодальный, капиталистический. Однажды весьма важно, конечно, определение и характера низшего, эксплуатируемого слоя общества — определение статуса непосредственных производителей. В нашем случае это тем более важно, что, как об этом уже говорилось выше, положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ в основном аргументируется исследователями именно посредством утверждения рабского статуса непосредственных производителей на древнем Востоке. И. М. Дьяконов, например, говоря о непосредственных производителях древневосточных стран, в частности о *гурушах* эпохи III династии Ура в Вавилонии, отмечает: «хотя неизвестно, были ли они в правовом отношении рабами, несомненно, что их в экономическом отношении от рабов отличить невозможно. Причина тут та, что при тогдашнем примитивном уровне техники рабский труд был наиболее желательной формой эксплуатации: из раба можно было больше выжать, все его время было в распоряжении владельца, а процесс производства был не настолько сложен, чтобы свободный труд мог быть заметно более продуктивным. По-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 183—185.

⁵⁵ Ср. R e n g e r, ук. соч., стр. 171—172: неслучайно поэтому решающее общественное противопоставление между верхним слоем и нижним слоем общества уже со времени Урукагины выражается именно в таких терминах («сильный», «могущественный» и «слабый»).

⁵⁶ R e n g e r, ук. соч., стр. 171.

этому при любой наличной возможности зависимых работников стремились превратить в рабов. Постепенно превращались в рабов не только полусвободные работники храмового и царского хозяйства, но, с возникновением ростовщичества, и должники. Эта постоянная тенденция переходить к непосредственному рабскому труду при любой возможности характерна для древнего общества и оправдывает его обозначение марксистским термином „рабовладельческое общество“⁵⁷. В другом своем исследовании И. М. Дьяконов отмечает: «Численно и по своей роли в экономике собственно рабы на Ближнем Востоке III—II тыс. до н. э. играли роль не очень большую, однако, по его мнению, такие «собственно рабы» «составляют лишь одну из групп обширного эксплуатируемого класса древнего общества, для которого в целом характерно отсутствие собственности на средства производства и эксплуатации путем внеэкономического принуждения. Можно весь этот класс условно назвать „древними подневольными работниками рабского типа“ в широком смысле слова („подневольными работниками“ типа илотов или подневольными работниками типа рабов и т. п.)». Это — зависимые производители, сидящие в основном на царских, но также и на храмовых землях или на землях крупных сановников. Они (царские работники), отмечает И. М. Дьяконов, «лишены собственности на средства производства и подвергаются внеэкономическому принуждению; нередко они вербуются из покоренных народов; в ряде случаев они прикреплены к обрабатываемой ими земле или, во всяком случае, к царскому или вельможному „дому“, часть которого они составляют». «В социально-правовом отношении сами древние иногда относили их к рабам, иногда — нет», однако, по его мнению, они «более сходны с рабами, чем с феодально-зависимыми крестьянами. Скорее всего, эта категория — аналог илотов»⁵⁸.

В другом своем исследовании И. М. Дьяконов повторяет эти же утверждения: «То обстоятельство, — отмечает он, — что раб является оптимальным объектом эксплуатации в древних обществах, приводит к тому, что учеными нашей историко-материалистической школы все эксплуатируемые невольники древнего типа, т. е. совершенно лишенные собственности на средства производства, кратко (но не вполне строго) именуется рабами»⁵⁹. Там же И. М. Дьяконов заключает, что «обе категории подневольных эксплуатируемых работников древности, а именно „настоящие“ рабы (тип I) и илоты (тип II), равно наблюдаются как в западной, так и в восточной древности, что и соответствует положению советской исторической школы о принципиально одинаковой экономической формации обществ древности как в Европе, так и на всех других континентах»⁶⁰.

Близкая к изложенной точка зрения защищается М. А. Коростовцевым. «Исследования структуры древневосточных обществ, — пишет он, — показали, что непосредственные производители в этих обществах состояли не только из общинников, не только из рабов античного типа, но и многочисленных зависимых людей, оторванных от средств производства и работавших на хозяина (коллективного или индивидуального) в плане внеэкономического принуждения. Эти люди еще не полностью превратились в собственную живую вещь хозяина, и их социальное положение обнаруживает в ряде случаев признаки, в какой-то степени напоминающие при-

⁵⁷ Дьяконов, Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии, стр. 48.

⁵⁸ Дьяконов, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., стр. 36—37.

⁵⁹ Дьяконов, Рабы, илоты и крепостные в ранней древности, стр. 11.

⁶⁰ Там же, стр. 18.

наки, свойственные эксплуатируемому производителю при феодализме, что собственно и послужило поводом для некоторых ученых усматривать наличие феодализма на древнем Востоке. В. В. Струве именно этих зависимых людей и называет рабами... Подчеркивая качественное различие между античным и древневосточным рабовладением, В. В. Струве назвал последнее „ранним рабовладением“... введенный В. В. Струве термин „раннее рабовладение“ кажется наиболее удачным, так как древневосточные общества хронологически и стадияльно предшествовали развитым античным обществам Греции и Рима»⁶¹.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, прежде всего необходимо иметь четкое представление о том, кто такой раб. Раб, безусловно, прежде всего правовое понятие. Экспроприация личности, собственность на нее со стороны кого-то другого — основная характерная черта раба. С этим, впрочем, связана в значительной мере и экономическая форма его эксплуатации: «В условиях рабства, — говорит К. Маркс, — работник принадлежит *отдельному особому* собственнику, являясь его рабочей машиной. Как совокупность проявленной силы, как рабочая сила, он является вещью, принадлежащей другому, и поэтому он относится к особому проявлению своей силы не как субъект... В условиях рабства работник есть не что иное, как живая рабочая машина, которая поэтому обладает стоимостью для других или, вернее, есть стоимость»⁶².

Различие между рабом и свободным было в древности, в том числе и на древнем Востоке, весьма резким и отчетливым. Этот факт со всей наглядностью выступает в правовых документах, в частности древних судебныхниках (Кодекс Хаммураби, Хеттские законы и т. д.). Экспроприация личности — насильственный акт и могла произойти в основном путем захвата в плен чужестранца. Поэтому основную массу рабов как в греко-римском мире, так и древневосточных обществах составляли иноплеменики — военнопленные. Превращение собственного (местного) населения в рабов — явно непосильная задача не только для античности, но и для древневосточных деспотий. Весьма ограниченное значение имело превращение преступников в рабов, а также долговая кабала, существовавшая в некоторых местах и имевшая, видимо, в основном временный характер. Поэтому никак нельзя согласиться с некоторыми исследователями, которые постулируют массовое превращение широких слоев населения древневосточных стран в рабов или, по крайней мере в «подневольных работников рабского типа», во что-то вроде спартанских илотов. Правда, свободный человек, даже «полноправный» общинник на древнем Востоке весьма легко мог оказаться как в экономическом, так и во всех других отношениях в худшем, чем раб, положении, но это никак не означает, что он превращался в раба, так же как и, например, располагающий в Позднем Вавилоне иногда большим богатством, чем его хозяин, раб все же оставался рабом и собственностью своего хозяина⁶³. До нас, как известно, из Двуречья дошло немало документов судебного разбирательства, начиная с эпохи Древнеаккадской династии и кончая Поздним Вавилоном, в которых рассматривался и устанавливался иногда ставший спорным факт, является тот или иной человек рабом или свободным. И все время дело решается на основании его происхождения, а никак не

⁶¹ Коростовцев, О понятии «Древний Восток», стр. 11—12.

⁶² Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии». (Черновой набросок 1857—1858 годов) ВДИ, 1968, № 2, стр. 8.

⁶³ M. D a n d a m a y e v, The Economic and Legal Character of the Slaves Peculium in the Neo-Babylonian and Achaemenid Periods, BAW, Abh., Philos.-hist. Kl., NF 75.

по его экономическому, имущественному или даже общественному положению⁶⁴.

Остановимся на вопросе о классовом делении общества. Ведь это последнее вовсе не зависит от одного лишь юридического статуса человека. «Классами, — говорит В. И. Ленин, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁶⁵.

Всеобщее признание получил тот факт, что положение настоящих рабов — т. е. имеющих юридически статус раба людей — на древнем Востоке было разным. Часть рабов была занята в сфере обслуживания — составляла домашнюю челядь при дворе, в домах военно-служилой знати и т. д. Некоторое, надо думать незначительное, количество их жила также в домах сравнительно зажиточных общинников и служилых людей низкого положения, работая в их хозяйстве, рядом с самим хозяином и членами его семьи. Это то, что мы называем «патриархальным рабством»⁶⁶.

Экономически, а также по бытовым условиям, совсем иным было положение производителей, работавших в системе государственного (царско-храмового) хозяйства. Как мы видели выше, в последнее время тезис о рабовладельческом характере древневосточного общества основывается именно на утверждении рабского статуса производителей в этом (государственном) секторе экономики древневосточных стран, поскольку основной эксплуатируемой массой объявляются именно они («настоящих рабов», о которых шла речь, было очень мало, а находившиеся вне государственного хозяйства производители — общинники объявляются неэксплуатируемой массой).

Оказывается, что производители этой категории частично состояли из рабов, частично же из имеющих статус свободного человека местных жителей. Экономически форма эксплуатации этих производителей была не всегда одинаковой, хотя преобладал тип самостоятельно хозяйствующего и жившего семьей производителя, который сидел не на своей (а принадлежащей дворцу, храму или высшим сановникам) земле, платил хозяину (resp. государству) ту или иную долю урожая и выполнял другие обязанности (трудовую, нередко и воинскую). Однако в некоторых случаях мы встречаемся и с другой формой ведения хозяйства, когда работающие в царско-храмовом хозяйстве производители работают сообща, разбитые в трудовые отряды под начальством надзирателей; продукт их труда целиком собирается в государственных кладовых и оттуда им выдается часть продукта в виде «кормления». Таково положение, например, непосредственных производителей — *гурушей* — в царском хозяйстве древней Вавилонии эпохи III династии Ура. Несмотря на наличие у большинства

⁶⁴ Трудно согласиться с Г. Г. Гиоргадзе, который в своей работе «Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства» утверждает, что IR и GEME («раб» и «рабыня») Хеттских законов будто подразумевают всех производителей страны, обозначаемых в других документах как «голова рабынь и рабов» (SAG. IR. GEME). Нельзя смешивать употребление терминов «раб» и «рабыня» в юридическом смысле с употреблением этих терминов в «расширительном толковании» — ведь в таком смысле «рабами» в тех же хеттских текстах называются даже высшие сановники и члены панкуса — см. Гиоргадзе, ук. соч., стр. 186—188, 293.

⁶⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

⁶⁶ См. Дьяконов, Рабы, плоты и крепостные в ранней древности, стр. 21 и др.

этих производителей статуса свободного человека и местное их происхождение, многие исследователи склонны признавать их рабами. Однако другие сближают их эксплуатацию с крепостнической формой эксплуатации. Так, например, по мнению И. Гельба, в лице их мы имеем дело в основном с занимавшимся земледелием и ремеслом обедневшим населением местного происхождения, живущим семьями, работающим в царском (государственном) хозяйстве все время или в продолжение одной части, располагающим и своими средствами производства (небольшими участками земли). Они (GURUŠ) располагали довольно большой правоспособностью и в документах хозяйственной отчетности порой резко противопоставлялись рабам (ARAD). По подсчетам А. И. Тюменева число настоящих рабов лишь в хозяйстве столицы — в городе Уре составляло примерно треть рабочего персонала, в других городах их почти не видно⁶⁷. В обозначаемом работниц этого же хозяйства термине GEMÉ И. Гельб частично усматривает настоящих рабынь, частично же работников такого же статуса, какими являлись *гуруши*⁶⁸.

Из известных нам категорий непосредственных производителей царских хозяйств, означенных работников эпохи III династии Ура экономически, по-видимому, в наибольшей степени можно сблизить с рабами, однако как факт наличия у них статуса свободных людей, так и некоторые черты их быта и социально-экономической жизни делают невозможным признание их рабами. Наиболее близко к этим *гурушам* стоят, видимо, непосредственные производители (земледельцы) Египта сравнительно ранних эпох, подвергавшиеся, согласно дошедшим до нас источникам, строгому государственному контролю и принуждению и порой в значительной мере лишенные хозяйственной самостоятельности (имеются сведения о продовольственных и вещевых выдачах им из египетского царско-храмового хозяйства).

В дальнейшем, как известно, в Вавилонии, в «царском секторе экономики» происходит массовый переход на эксплуатацию самостоятельно хозяйствующих производителей, располагающих своими наделами на царской земле. Эта форма эксплуатации (самостоятельное ведение хозяйства и выплата определенной доли урожая), с которой мы встречаемся и во многих других древневосточных регионах (см. ниже), экономически ближе всего к феодально-крепостнической эксплуатации. Аналогичные, если даже не более близкие к рабскому, формы эксплуатации, как известно, определялись К. Марксом и Ф. Энгельсом как «крепостнические». В письме к К. Марксу 22 декабря 1882 г. Ф. Энгельс писал: «Радуюсь, что в отношении истории крепостного права мы „единодушны“, как говорят деловые люди. Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю, — в Фессалии, например, это имело место очень рано»⁶⁹. Ф. Энгельс отмечал, что Спарта не знала рабов, а илотов называл «крепостными». К. Маркс, имея в виду это же, в возникающих в результате завоевания даннических отношениях видел не рабство, а зависимость крепостнического типа.

⁶⁷ А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 277—279.

⁶⁸ G e l b, ук. соч., стр. 87—88. Сомнения о рабском статусе *guruš* и, частично, также и *gemé*, были высказаны и в наших работах: «К вопросу о характере древнейших классовых обществ» (ВИ, 1966, № 11, стр. 68) и «Характер социально-экономического строя на древнем Востоке (Опыт стадияльно-типологической классификации классовых обществ)» (НАА, 1972, № 4, стр. 57—59).

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 112.

В крупных военных державах древнего Ближнего Востока, занимавших массовым угодом в плен населения завоеванных стран (Хеттское царство, Ассирия, Урарту, отчасти и Поздний Вавилон), основная часть огромного числа захваченного в плен и депортированного населения поселялась на царских (или принадлежащих храмам и высшей знати) землях. Здесь они наряду с сидящим на этих землях местным населением, как правило, самостоятельно, семьями вели хозяйство — обрабатывали землю и выполняли ряд обязательств по отношению к господину (или государству) — сдавали часть урожая, выполняли и все другие повинности, в том числе и воинскую.

В Хеттском государстве засвидетельствовано любопытное положение, когда производители фактически прикреплены к тому или иному хозяйству (принадлежащему одному из центральных государственных учреждений, храму или сановникам). Они располагают своими наделами, но обязаны обрабатывать также «поле бога» или «поле дворца», так что наличие существования чего-то вроде отработочной повинности⁷⁰. В одном из документов говорится, что человек обязан обрабатывать 4 дня свое, а 4 дня — «поле дворца», или, если в доме 4 человека, предписывается, что двое из них должны работать на своей земле, остальные же два — на «поле дворца». Такое же положение предполагается на землях, полученных в дар от царя вместе с сидящим на них населением, высшими сановниками государства⁷¹. Эти зависимые, фактически прикрепленные к земле земледельцы сами могли обладать рабами⁷².

Мало отличалось от их положения положение посаженных хеттскими царями на землю многочисленных пленных и депортированных (NAM.RA). Они также «домами» (иногда это отдельные семьи, иногда нет) сидели на земле и самостоятельно вели хозяйство. В начале им оказывалась помощь семенами, с условием, чтобы вернуть заем тотчас же после уборки урожая. Давали им также рабочий скот, мелкий рогатый скот и т. д. Этих депортированных обычно приравнивали не к настоящим рабам, а к основным непосредственным производителям страны. По своему экономическому положению NAM.RA не так уж сильно отличались от других, зависимых от дворца, храма и т. д. производителей⁷³. Впрочем, не только получившие земельные участки от дворца, но и вообще все земледельческое, занимавшееся ремеслом и другое население страны, за исключением тех случаев, когда оно особым царским постановлением освобождалось от этого, обязано было нести государственные повинности — *саххан* и *луци* — выполнять службу в пользу дворца (даря) (обработка полей, виноградников, садов, сбор урожая, работа на гумне и т. п.), а NAM.RA вначале даже целых три года освобождались от этого — посаженные на землю, они, видимо, выполняли *саххан* только с четвертого года⁷⁴. И в правовом отношении рабы у хеттов, пожалуй, именно такие посаженные на землю пленные и депортированные (они и составляли преобладающую часть рабов), находились в довольно привилегированном положении. Судя по Хеттским законам, допускались браки со свободными людьми, раб являлся платежеспособным лицом и вообще субъектом права — он сам персонально отвечает за совершенные им преступления. Он имеет имущество, его отношения с господином имеют форму личной зависимости, до известной степени экономического характера, так что его нельзя даже считать

⁷⁰ Гиоргадзе, ук. соч., стр. 43 сл.

⁷¹ Там же, стр. 55—57.

⁷² Там же, стр. 63 сл.

⁷³ Там же, стр. 76, 83, 87.

⁷⁴ Там же, стр. 86—87.

полной собственностью хозяина⁷⁵. Конечно, все это касается находящихся юридически в рабском состоянии лиц. Имевшее статус свободных людей, но сидевшее также на царских землях и находившееся в зависимости от дворца, храма и т. д. население итак обладало всеми этими и другими правами⁷⁶.

Значительную часть сидевших на царских землях земледельцев в Поздней Ассирии также составляло плененное и депортированное население. Характерно, что, несмотря на огромное количество пленных и депортированных в Поздней Ассирийской державе, здесь не произошла концентрация рабов, подобно древней Аттике или древнему Риму, и не возникло что-нибудь подобное римским рабовладельческим латифундиям⁷⁷. Преобладающую часть пленных и других депортированных здесь также сажали на землю, где они самостоятельно, семьями, вели хозяйство и выполняли разные повинности по отношению к господину (государству). Посаженные на землю пленные (*šaknu* «посаженный», *zakū* «свободный», *raksu* «прикрепленный») по своему имущественному и юридическому статусу сильно отличаются от классических рабов. Уже в начале они могли иметь передаваемое по наследству определенное имущество, а также рабов. Они платили налоги, выполняли другие повинности, в том числе и воинскую. В конце концов процесс нивелировки их статуса с остальным свободным производящим населением заканчивается тем, что в Ассирии на действительно рабском положении остались лишь домашние рабы (челядь). В области же производства постепенно стерлась разница между занятым в производстве рабом и свободным бедняком. Посаженный на царской земле пленный фактически уже ничем не отличался от свободного⁷⁸. Вообще в I тыс. до н. э. в масштабе всего Ближнего Востока происходит слияние свободного сельскохозяйственного населения страны со слоем зависимых производителей и образуется единое зависимое сельскохозяйственное население⁷⁹.

В Поздней Ассирии имеющие надел на царской земле земледельцы, видимо, представляли если не все, то во всяком случае, большую часть населения⁸⁰. Некоторые исследователи (например С. Н. W. Johns) их характеризуют как *Glebae adscripti* — прикрепленных к земле производителей. В эту группу населения вливались, наряду с депортированными, также и пауперизованные свободные. Имеется интересный документ, в котором царский земельный участок назван находящимся во владении нескольких лиц, из которых один раб, два других же, видимо, обедневшие свободные. Экономически между ними нет разницы — они совместно владеют и, видимо, также совместно обрабатывают этот участок. Такие за-

⁷⁵ См. В. П. Попов. О статусе рабов в Хеттском царстве (по данным § 93—99 Хеттских законов), ВДИ, 1969, № 3, стр. 74, 80—81 и др.; F. C o r n e l i u s, Das Hethiterreich als Feudalstaat, BAW, Abh., Philos.-hist. Kl., NF 75, стр. 34 и др.; V. C o r t o s e c, Einige Beiträge zur gesellschaftlichen Struktur nach Hethitischen Rechtsquellen, там же, стр. 109—111.

⁷⁶ Имеется, как было отмечено выше, тенденция распространить вытекающую из Хеттских законов характеристику положения рабов на все так называемое подневольное население рабского типа, в котором наряду с посаженными на землю рабами объединяют также зависимое от царя, храмов и т. д. местное свободное население.

⁷⁷ P. G a r e l l i, Problemes de Stratification Social dans l'Empire Assyrien, BAW, Abh. Philos.-hist. Kl., NF 75, стр. 78—79.

⁷⁸ В. А. Якобсон, Социальная структура Новоассирийского царства, ВДИ, 1955, № 2, стр. 113—117; ср. о н ж е. Подневольные люди в Ассирии, «V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов», Тбилиси, 1971, стр. 57—58.

⁷⁹ С. Л. Утченко, И. М. Дьяконов, Социальная стратификация древнего общества, «XIII Международный конгресс исторических наук», М., 1970, стр. 15.

⁸⁰ Z a b ł o s k a, ук. соч., стр. 209.

зависимые земледельцы платили налоги и выполняли повинности и за себя, и за собственника того земельного участка, которым они владели⁸¹.

Видимо, аналогичную с Ассирией обстановку следует усмотреть и в Урартском государстве — также могучей военной державе. Известно, что пленных и депортированных урартские цари также сажали на землю в разных частях своего государства, порой поручая им несение военной (гарнизонной) службы в завоеванных областях⁸².

Все вышеуказанное наглядно свидетельствует о том, что даже тогда, когда на древнем Ближнем Востоке создавалась потенциальная возможность для массового применения рабского труда в производстве, развитие в конечном счете шло не в сторону рабовладения, а в сторону роста зависимого, подвергающегося близкой к крепостничеству эксплуатации земледельческого населения.

Сидящие на царской земле зависимые земледельцы имелись также в других регионах древнего Ближнего Востока, где приток рабов-военнопленных не был таким большим. В таких случаях царские, как и храмовые земли, обрабатывало в основном местное свободное население. Именно всех этих «царских земледельцев» — рабов и нерабов — некоторые исследователи, как было указано выше, считают «подневольными работниками рабского типа», «рабами древневосточного типа», «рабами типа илотов» и т. д., основывая главным образом на их наличии тезис о рабовладельческом характере древневосточного общества. С рабами всех их, по мнению этих исследователей, сближает то, что они лишены полностью собственности на средства производства и подвергаются внеэкономическому принуждению.

Выше мы уже отметили, что многие другие исследователи их сближают, наоборот, с крепостными. Конечно, среди них мы встречаемся с людьми по своему юридическому статусу разных категорий — это посаженные на землю рабы-военнопленные, обедневшие свободные, наконец, подчиненные и эксплуатируемые царской властью целые общины. Однако экономически их положение и форма эксплуатации, видимо, на самом деле одинаковы. При этом нельзя сказать, что по отношению к средствам производства, в частности к основному из них — земле, их положение полностью тождественно положению античных рабов (конечно, речь не идет об илотах, с которыми в этом аспекте у них в самом деле много общего). Правда, самостоятельно хозяйствующие на царской и другой земле работники не являются собственниками земли, которую они обрабатывают, но все же их отношение к ней сильно отличается от отношения античных рабов к средствам производства: какой-то элемент владения здесь налично, а владение, безусловно, элемент собственности⁸³ — у них есть все данные смотреть на обрабатываемый ими участок как на «свой» — поскольку у такого производителя не забирают весь продукт, сдается лишь та или иная заранее определенная доля урожая, у него имеется стимул вложить больше труда в этот участок, чтобы и для себя и своей семьи получить больше продукта. Трудно отрицать, что экономически все эти илоты или древневосточные царские земледельцы намного ближе стоят к средневековым крепостным, чем к рабам, работавшим в афинских эргастериях или римских латифундиях. Правда, могут сказать, что в некоторых случаях (например в случае *гурушей* III династии Ура) и такого самостоятельного хозяйствования нет и одна часть их, по крайней мере, видимо, все время работает в царском хозяйстве и не закреплена за тем или иным участком.

⁸¹ Там же, стр. 213—215.

⁸² Г. А. Меликишвили, К вопросу о хетто-хитанийских переселенцах в Урарту, ВДИ, 1958, № 2.

⁸³ М е н а б д е, ук. соч., стр. 54.

Но, во-первых, подобная ситуация на древнем Востоке была крайне редкой и, во-вторых, преобладающую часть *гурушей* и других аналогичных работников никак нельзя объявить рабами, поскольку они юридически свободные, и в бытовом отношении (будь то илоты, будь то царские работники древнего Востока, даже те, которые юридически являлись рабами) резко отличаются от античных рабов, живя семьями и являясь субъектами, а не только лишь объектами права.

Другим моментом, позволяющим исследователям сблизить эту категорию царских работников с рабами, является то, что они эксплуатируются посредством внеэкономического принуждения. Однако внеэкономическое принуждение, как известно, характерно не только для рабской, но и феодально-крепостнической эксплуатации. Однако в отношении древневосточных царских работников — в случае эксплуатации свободных работников в царском (государственном) хозяйстве, следует думать, эта эксплуатация не всегда была внеэкономической. Всякого рода обедневших общинников и оторвавшихся от своей страны и общины людей приводила в царское хозяйство экономическая нужда, экономическое принуждение. Внеэкономическим это принуждение было в отношении имеющих рабский статус производителей, а также в отношении массы свободных общинников, привлекаемых к работе в царско-храмовых хозяйствах или эксплуатируемых той же царской властью иначе (налоги, повинности), однако в этом последнем случае внеэкономическое принуждение имело совершенно иной характер, иной источник (не собственности на личность производителя, а политическую власть над ним).

Выше мы уже говорили о том, что не следует на древнем Ближнем Востоке столь резко противопоставлять царское и нецарское — общинное. Грань между ними не всегда видна⁸⁴ и в условиях всемогущего, централизованного государства не должна быть резко очерченной. Вместе с тем и в источниках засвидетельствован в разных древних ближневосточных обществах быстротекущий процесс нивелировки правового статуса и социально-экономического положения свободной бедноты и неполноправного плененного или депортированного населения, посаженного на землю и самостоятельно хозяйствующего на ней (см. не только отмеченную выше ситуацию на Ближнем Востоке в первой половине I тыс. до н. э. или порядка эллинистического времени в Египте, в царстве Селевкидов и в Малой Азии, но и более ранние примеры — процессы нивелировки и образования всеобъемлющих или, во всяком случае, доминирующих царских хозяйств в Вавилонии и Египте в III тыс. до н. э. и т. д.). Иначе и не могло быть. Нельзя допустить, что половина или даже больше земли этих огромных государств обрабатывалась подневольным населением рабского типа, а на другой половине доминировали отношения полной свободы от эксплуатации⁸⁵. Подобное положение вылилось бы в что-то по-

⁸⁴ Выше мы указывали на случаи, когда трудно сказать, та или иная работа совершается людьми в качестве «царских работников» или общинниками по линии выполнения государственных повинностей. Иногда также трудно отличить общинных старост от представителей низших звеньев царской администрации (так обстоит дело, например, в древнем Угарите) и т. д.

⁸⁵ Так представляется ситуация на древнем Востоке, в частности, И. М. Дьяконову. Свободные общинники, стоящие вне государственного сектора и вне рамок «верховой собственности» древневосточной монархии, по его мнению, количественно, как правило, преобладали среди производителей материальных благ и не являлись эксплуатируемой массой — см. Дьяконов, *Община на древнем Востоке в работах советских исследователей*, стр. 33—34, ср. стр. 79 сл. Впрочем, по этому вопросу И. М. Дьяконов в последнее время высказывается менее категорично, считая, что лишь дальнейшее исследование проблемы распределения прибавочного продукта должно показать, были ли налоги и повинности эксплуатацией общинников как класса или нет, — см. Дьяконов, *Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.*,

добное спартанской ситуации, в столь резкое противопоставление больших групп населения, что без спартанских методов невозможно было бы справиться с подобной ситуацией, однако мы ничего не знаем о чем-нибудь подобном на древнем Востоке. Деспотическое, высокоцентрализованное государство древности не могло существовать без полного охвата населения, без установления своего полного экономического и политического контроля над всем производящим населением страны, без определенной нивелировки, создающей феномен «поголовного рабства», о котором говорил К. Маркс. Важно и то, что означенная нивелировка на Ближнем Востоке шла не в сторону превращения свободного зависимого населения в рабов, а, наоборот, в сторону слияния занятого в сельскохозяйственном производстве рабского населения со свободным производящим населением и образования единого зависимого сельскохозяйственного населения.

То, что ситуация, засвидетельствованная в «государственном секторе экономики» стран древнего Ближнего Востока, близка к крепостничеству и представляет фактически преддверие его, можно показать и на примере довольно близкой к ней типологически ситуации в Поздней Римской империи, являвшейся также преддверием сложения крепостничества. Общепризнано, что институт колоната сыграл большую роль в переходе от рабовладения к крепостничеству: предоставление колонам (часто бывшим рабам) земельных участков для самостоятельного хозяйствования и прикрепление их к земле, исчисление от них арендной платы из доли урожая, отсутствие или наличие лишь в очень небольшом масштабе связи этого хозяйства с рынком, все это, общепризнанно, сближают колонатные отношения с крепостничеством. Конечно, по своему юридическому статусу колон вначале все еще ближе стоял к рабу, однако в дальнейшем и здесь происходит нивелировка его (посаженного на землю раба — колона) правового статуса и экономического положения с остальными категориями зависимого сельскохозяйственного населения (варвары, посаженные на землю, мелкие свободные арендаторы — инквилины, адскриптиции, цензиты, оригинарии, трибутарии и др.), слияние всех их в одно сословие — предшественника средневековых крепостных. Конечно, на Востоке, не только древнем, но и средневековом, процесс этот сильно тормозился и не привел к средневековому европейскому крепостничеству. Во-первых, дело никак не доходит до такого полного оформления прав собственности господствующего класса на средства производства и на личность производителя, как это происходит при феодализме западноевропейского типа. Причины этого хорошо известны и кроются именно в той специфике

стр. 63. В пользу тезиса о резком правовом различии людей, имеющих наделы на царской, с одной стороны, и нецарской (общинной, общинно-частной) земле, с другой, может свидетельствовать интерпретация упоминаемых в Кодексе Хаммураби разных категорий свободных, *awīlu* и *muškēnu*, как имеющих наделы на общинной (*awīlu* — полноправный свободный) и на царской земле (*muškēnu* — неполноправный свободный) — см. Дьяконов, Проблемы собственности..., стр. 31; ср. его же комментарии к Старовавилонским законам — ВДИ, 1952, № 3, стр. 265—267 и др. Однако выясняется, что как *awīlu*, так и *muškēnu* могли быть в царском секторе; сами «царские люди» могли делиться на *awīlu* и *muškēnu*: в одном документе из Мари эпохи Зимрилыма, современника Хаммураби, сообщается, что в связи с угрозой голода царь приказывает переселить часть царских людей в другое место. Переселению подлежат *awīlu*, *muškēnu* же остаются. *Muškenū*, выражая недовольство этим, заявляют: «*Awīlu* дворца переселяют, как же мы остаемся?» (см. Р. А. Гривов, Северомесопотамский город в конце XIX — первой половине XVIII в. до н. э. по текстам из Мари, сб. «Древний Восток. Города и торговля», Ереван, 1973, стр. 24—25; ср. также Дьяконов, *Muškenū* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби, стр. 61). Видимо, возникновение этих двух категорий свободных в Двуречье этой эпохи нельзя связывать с одним лишь характером землевладения и следует искать причины этого и в других факторах.

экономических и социальных отношений на Востоке, о которой много говорилось в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, с нашей точки зрения, это не мешает обстановку на древнем Ближнем Востоке сблизить типологически с феодально-крепостническими отношениями и определить скорее всего как «предфеодальную» (герр. «дофеодальную») типологически и раннеклассовую — стадияльно⁸⁶.

По внутренней логике своего развития общества с господством носящего управленческие функции эксплуатирующего класса эволюционируют в сторону перерастания в общество, где господствующий класс превращается в собственника средств производства и личности непосредственных производителей (западноевропейский феодализм). Рабская же форма эксплуатации быстро изживает себя и эволюционирует в направлении смягчения этой крайне жестокой формы эксплуатации и перерастает в отношения крепостнического типа. Этот процесс налицо не только при гибели античного рабовладельческого общества, но, как мы видели выше, постоянно действует и в древневосточном обществе, в котором рабовладельческий уклад занимал хотя и не ведущее, но порой довольно важное место.

Западноевропейское феодальное общество в некоторых отношениях, правда, представляет шаг назад по сравнению с античностью, но по поляризации классовых различий, по расколу общества на антагонистические классы, олицетворяет, пожалуй, наиболее далеко ушедшее в своем развитии классовое общество (в античном обществе такого раскола нет: общество здесь — гражданский коллектив полноправных и свободных граждан: рабы рассматриваются как стоящие вне общества — вне данной правовой общности). Именно в силу этого западноевропейское феодальное общество созрело для социальной революции, в результате которой возникло общество еще более развитого — капиталистического — типа. Кроме того, западноевропейское феодальное общество функционировало в условиях во многих отношениях более развитого, по сравнению с античностью, мира (несколько более высокий уровень развития производительных сил, несравненно большие масштабы существовавших в это время политических и этнических образований, более однородная и сравнительно более развитая историческая среда, большая масштабность происходящих в это время исторических процессов и т. д.). Все это оправдывает отнесение данного общества в общем, во всемирно-историческом аспекте, к более высокой ступени развития, чем античность⁸⁷.

⁸⁶ Конечно, определение социально-экономического характера каждого древневосточного общества требует отдельного детального исследования, в процессе которого возможна их дальнейшая группировка по отдельным подтипам. Много общего в социально-экономическом строе «вешних ирригационных обществ» (Египет, Вавилония); глубоким своеобразием отличается обстановка в крупных древневосточных «военных державах» (Хеттское царство, Ассирия, Урарту). Довольно специфическим является положение в отдельных древневосточных обществах, где международная посредническая торговля играла большую роль — см. М е л и к и ш в и л и, Характер социально-экономического строя на древнем Востоке.

⁸⁷ Ср. у К. Маркса в его знаменитом «Предисловии» к «Критике политической экономии»: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с е, Соч., т. 13, стр. 7).

THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE OF ANCIENT NEAR EASTERN SOCIETIES

by G. A. Melikishvili

The author criticises the view still held by some historians that the ancient oriental, in particular the ancient Near Eastern, societies and the Graeco-Roman societies of classical antiquity represent one and the same societal type («slave society», «ancient society»). He insists that in respect both to property relations and to class structure these societies belong to very different types. Ancient societies of the Attic type] («commercial-industrial») are very different from all other pre-capitalist societies in their highly developed institution of private property and in the active and free functioning of this institution. It is mainly this aspect which evokes numerous analogies between classical antiquity and modern times. We have here the modification of a highly developed societal model under the influence of an historically much less developed environment, giving rise to the polis and slave relations, which to a considerable degree blocked the way to further progressive socio-economic evolution of the model itself.

Quite another situation obtained in the ancient Near Eastern societies (Egypt, Babylonia, the Hittite kingdom, Assyria, Urartu among others). Here the functioning of private property was at an incomparably lower level and held there by the existence of an all-powerful state and community, by the meagre development of commodity and money relations and a weak «consumption» economy. Most of the land was held by palace, temple or community. The chief distinctive feature of these societies was an extensive royal (state) economy. Not only agricultural and handicraft production were a royal monopoly but to a considerable extent trade as well. This naturally prevented the free functioning of the small properties held by individuals outside the royal sector of the economy: in effect they too were subordinate to the royal power, which equally exploited producers on the king's land and on land outside the royal sector.

These characteristics define a class structure which is uniquely proper to the ancient Near Eastern societal type: the almost complete coalescence of the dominant class with the state power—the performance of organisational (administrative) functions in social, military, economic and cult life was the special province of the dominant group. Another peculiar feature was the composition of the exploited class, the producers. The main object of exploitation was the native, juridically free population living partly on the royal and temple lands and partly outside them. Even most of the war captives and deported people (i. e. *de jure* slaves) were settled on royal land, transformed into independently operating producers and came in the long run, in respect to their status as well as their economic position, to be on an equal footing with the rest of the dependent population engaged in production. The slave form of exploitation in the strict sense affected only a small part of this population. The whole configuration of the ancient Near Eastern societies is best defined as characteristic not of «slave» but of «pre-feudal» society.